

Известия. — 1991. — 27 июля. — С. 6.

ПОСЛЕДНИЕ ГАСТРОЛИ

Три версии одного трагического случая

Дмитрий ВЕЛИКИЙ (Каир).
Валерий ЛКОВ (Москва), «Известия»

● Версия первая

В Каире завершила свои гастроли коллектив при Большом театре, кля. как он был назван в афишах, «Труппа Григоровича». Как рассказал мне ее создатель Юрий Николаевич Григорович, это — первая при Большом театре чисто коммерческая труппа. В Египте Большой балет приняли восторженно. Мастерство молодых исполнителей оценено высоко — артисты получали прекрасную прессу, полную хвалебных отзывов. А также неплохие деньги (более 200 тысяч долларов, по данным египетской прессы) и отбыли на Родину. Но...

Изложим факты, которые сообщила генеральный консул России в Египте Владимир Волков.

За несколько часов до отлета charterного самолета, прибившего за артистами, в гостиницестве раздался звонок. Звонили из гостиницы, где разместились вся труппа, и сообщили, что один из ее членов обнаружен мертвым в своем номере. Сообщивший эту печальную новость, призывая к ней такие пожелание консульским работникам приезжать как можно скорее, поскольку подходит время отправления в аэропорт.

— Мы попросили их оставить в гостинице врача группы, — сказала В. Волков, — и кого-либо из администрации, как это принято в таких случаях (Григорович улетел в Москву днем раньше), в срочном выехали на место происшествия. Теперь представьте себе наше изумление, когда, прибыв в гостиницу, мы убедились в том, что там нет ни врача, ни администратора: абсолютная вся труппа исчезла в аэропорт, не оставив никого у покойного коллеги.

А он, кстати, проработал в Большом театре более сорока лет. Мы даже не знали ни его фамилии, ни имени, ни отчества — никаких данных о нем, никаких документов. В дело сразу же включились, египетская прокуратура и работники медицинской экспертизы. Им требовалось составить свое заключение. В конце концов в разрозненных в беспорядке в номере ведах удалось разыскать паспорт покойного. Врач посольства устанавливал причину смерти — сердце.

Подготавливали все необходимое к отъезду гроба с телом домой. Но тут возникла другая трудность — куда конкретно отправлять, на чей адрес, кого извещать? Из Москвы за те несколько дней, что являлось оформлением, от администрации Большого театра звонков не поступало. А сопровождающего мы выделить не могли — нет денег у посольства. Так и пришлось отправить скорый груз на адрес театра вообще. И не знаем, кто и как его встретил, закончив гекконсую свой расклад.

Его, кстати, подтверждает в египетская сторона. Работники гостиницы, театральная администрация, да и другие египтяне, столкнувшись по роду службы с этой ситуацией, возмущения своего не сдержали. Да, говорили они, задержка самостоята в аэропорту грозит большими штрафами, и поэтому общий стремительный отъезд группы из гостиницы понятен. Но всеуже у такого солидного предприятия, каким представляется модавая коммерческая труппа, нет возможности действитель-

но в подобных нештатных ситуациях, не рожая собственного достоинства и заслуженного Большим театром авторитета, недоумевали египтяне...

● Версия вторая

Вначале хотелось бы поговорить оду детали, не имеющую и трагической истории непосредственного отношения, но уточняющую некоторые моменты. Дело в том, что «Труппа Григоровича» — это совершенно самостоятельная творческая организация с отдельным счетом и прочими атрибутами независимости, существующая при театре. Естественно, эта деталь имеет некоторое значение лишь в пределах СНГ или даже — Саудового кольца, ибо для зарубежного зрителя Григорович это все равно — Большой.

Получив из Каира материал нашего собственного корреспондента, мы решили связаться с участниками истории, чтобы послушать их версию. Вскоре удалось дозвониться до руководителя группы Владимира Гуринова. Из его рассказа это выглядело так: все, что поведал собиру газету генеральный консул, — неправда. На самом деле события развивались иначе.

Вечером, накануне отлета, раздал последний спектакль. Старший художник по свету Борис Иванович Л., человек покладливый; почувствовал легкое недомогание и остался в гостинице, тем более что его присутствие во время спектакля не требовалось. В семнадцать часов коллеги привезли Борису Ивановичу ужин в номер и, поспевав робкого вечера, уехали из отеля. Вспулись они обратно по поздней ночью, часом около трех.

Своего занемогшего товарища гешия не беспокоят — время слишком позднее. Позвоили лишь в восемь тридцать утра, когда начались сборы в аэропорт (вылет был назначен на двенадцать). Телефон у Бориса Ивановича не работал. На ступа в дверь тоже не было никакой реакции, поэтому пришлось обраться к пертье. Когда он отключил дверь, то все увидел, что Борис Иванович в номере, но — без признаков жизни. Врач группы Ирина Огановна подделала смерть, тут же были поставлены в известность дирекция гостиницы и полиция, а в наше консульство удалось дозвониться в девять тридцать. Услышав о смерти соотечественника, в консульстве первым делом предупредили, что платить за его доставку на Родину не будут. Гурinov успел — египетская сторона расходу берет на себя, требуется лишь оформить все необходимые бумаги. Но в течение трех часов из консульства так никто и не приехал, но телефону с генеральным консулом не сошлись — занят, а после двенадцати тридцати телефон в вовсе перестал отвечать.

— Что нам оставалось делать? — говорит Владимир Герасимович. — Выла у нас истекшая, билета на другие рейсы тоже не было, молелетия с утра был отпавлен в аэропорт и ждал там. Глазчое — мы составили с полицией, кечачискими работниками все необходимые акты, получили от египетской стороны заверения: что они полностью уверились одним из ближайших рейсов... так что в нашем присутствии больше не-

обходимости не было. Комната была опечатана, у двери остался полицейский, а мы уехали. Все остальные вопросы должна была решать вместе с консульством представляющая нашей фирмы доктор Магда Савек.

Кто сообщил родным о смерти? Да кто-то из группы, сразу когда прилетели, по-моему, Саша Рубцов. Когда мы вернулись, Бориса Ивановича приехала встречать сын, ему и сказали. Потом уже собрали деньги, встретили гроб, помогли с похоронами — ну все, как положено.

● Версия третья

С Андреем, сыном художника Л., мы говорили после похорон. Он все еще не мог поверить до конца в происшедшее, постепенно приходил в себя и в разговоре вспоминал по одну, то другую деталь, приобретающую теперь какой-то особый смысл.

Отца на этот раз не очень хотел ехать на гастроли. Ему уже исполнилось 62 года, он рылся на пенсию, был вполне счастлив (никогда ранее не знал больших денег) и говорил, что только теплая у него началась настоящая жизнь. За всю историю — 43 года работы в Большом театре, за что его деклари, уважали, за что был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Удостовить знания заслуженного работника культуры.

Одним словом, Борис Иванович был одним из тех многих самоотверженных тружеников, которые, оставаясь неведомыми для зрителя, своей работой тоже вносили вклад в создание величия и славы Большого театра.

Выйдя на пенсию, Борис Иванович продолжал работать по договору в труппе Григоровича, ездив, как и прежде, на гастроли.

Рейс из Каира означивал. Наконец, в десатом часу вечера, самолет прилетел. Вскоре через таможню стали проходить участники группы. Кого-то встречали близкие. Кто-то шел в залобус театра, поехавший специально, кто-то уехал на свое. Андрей стоял у таможни стойки, пока вся группа не прошла мимо. Многие его узнавали, здоровались. Но никто ничего не сказал. Когда все пошло, Андрей вдруг замолчал и подошел к таможничкиш узнать, не остался ли еще кто-нибудь с каирского рейса. Услышав, что все прощия, бросился к автобусу — узнать, где же отец. Только тогда и услышал — ушел. Гурinov к этому времени уже не было, он уехал на машине.

Как добрался домой, Андрей не помнит. Помнит только, как среди ночи обзванивал коллег отца, искали телефон Гуринова, а потом, уже за полночь, дозвонился до Владимира Герасимовича и попросил рассказать подробности.

Вскоре из Каира прибыл груз на адрес театра — гроб, чемодан и сумка.

Все детали Андрею вспомнить тяжело. Благо, что театр выделял человека, который решил все вопросы — от получения свидетельства до похорон. Только чуть позже, немного придя в себя, Андрей убедился, что отец, кроме всего прочего, был еще и оборваном. Где, кем, когда — так сразу и не поймешь. Но ни документов, ни афиш...

ВМЕСТО КОММЕНТАРИЯ

Мы изложили три версии этой трагической истории и воздерживаемся от собственных оценок намеренно — пусть каждый сам решит, что в этой истории «по-людски», а что — нет. Многочисленные сотрудники коллектива Большого театра, которым приходилось ранее сопровождать группу на гастро-

ли, поведают о существовавшей практике — за много лет это не раз случалось — за рубежом. Так вот, никогда еще врач и предостерегал администрацию об оставлении своего человека одного, в каком бы состоянии он ни оказался. И кем бы он был — актером или рабочим сце-

ли. Может, потому, что лучше понимали медицину, или у них — это не только тело, что рождается на сцене и развивается в руках режиссеров, оставаясь лишь вершиной айсберга, но и сам айсберг, подварающий эту вершину, — жизнь за кулисами. И не только жизнь.